

ОТТИСК СТАТЬИ

TARTU RIIKLIKU ÜLIKOOLI TOIMETISED
УЧЕННЫЕ ЗАПИСКИ
ТАРТУСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

ALUSTATUD 1893. a.

VIINIK № 78 ВЫПУСК

ОСНОВАНЫ В 1893 г.

ТРУДЫ ПО РУССКОЙ И
СЛАВЯНСКОЙ ФИЛОЛОГИИ

II

ТАРТУ 1959

характеризуются, как «бывший трактирщик», «бывший торговец», «бывший волостной старшина» и т. д.). Эта особенность пьесы Тодорского также роднит её с большинством первых произведений советских драматургов. Ср., например, монолог Степана Разина в пьесе Ю. Юрьина «Сполошный зык». Разин (выражающий настроения автора) говорит о своем восстании как части освободительной борьбы крестьян. То, что не удалось ему, удастся будущим поколениям.⁶⁵ Отсюда — сочетание трагизма судьбы Разина и оптимизма общих перспектив борьбы в финале пьесы и, с другой стороны, — бессилие победителей Разина, осужденных, в конечном счете, на гибель:

«Разин: ... Придет час правды моей!

Одоевский: Врешь! Не бывать тому, сатана!

Разин: Так будет же! ... Будет! ... Будет!»

(Задыхающийся от бессилия и ненависти, колотится от злобы Одоевский. И светло и победно смотрит перед собой закованный Разин).⁶⁶ Так уже в первых произведениях новой литературы намечается тот особый диалектический подход к личности и к событию, та двуплановость в их изображении (позволившая, например, А. Фадееву в «Разгроме» противопоставить данный этап борьбы и его конечные результаты), которые станут затем одной из важных особенностей советского искусства.

Отдельные элементы такого «двупланового» взгляда на жизнь находились уже в «Годе — с винтовкой и плугом». Так, говоря о начале строительства железной дороги Овинище — Суда, Тодорский добавляет:

«Мы не будем сейчас заглядывать далеко в будущее. Впереди так много хорошего, что и не перескажешь. Одно мы скажем. Недалеко то время, когда с шумом и грохотом, разбрасывая миллиарды искр, уверено и легко заходит по Вельсегонскому краю могучий советский паровоз» (48). Глава «Советские мастерские» заканчивается словами уверенности в том, что недалеко то время, когда «рюриковская колымага, с визгом и стоном уныло качавшаяся по выбоинам и камням, сменится удобным экипажем на железном ходу, который весело застучит по гладким дорогам» (53. См. также стр. 57) и т. п. Однако в «Годе — с винтовкой и плугом», где нет героев, а есть лишь события, эта особенность не могла проявиться так ярко, как в пьесе.

Таков основной круг проблем творчества А. Тодорского. Произведения этого интересного писателя позволяют проникнуть в сложную картину становления советской литературы.

⁶⁵ См. Ю. Юрьин. Сполошный зык, в кн.: Первые советские пьесы, М., изд. «Искусство», 1958, стр. 361.

⁶⁶ Там же, стр. 379.

О НЕКОТОРЫХ ИНДО-УРАЛЬСКИХ СУФФИКСАХ, ПРЕИМУЩЕСТВЕННО В РУССКОМ И ЭСТОНСКОМ ЯЗЫКАХ

В. И. Эрнитс

Уже давно отмечено, что индоевропейские и уральские (финно-угро-самоедские) языки имеют некоторые общие элементы, трудно объясняемые заимствованием. Впервые к этому вопросу строго научно подошел датский филолог В. Томсен в своей работе «О влиянии готского класса языков на финский»,¹ где он приводит 4 общих слова в обеих семьях языков, которые, по его мнению, могли бы указать на прародство между этими семьями. Эти слова (русские соответствия: вести, вода, имя, слушать) впоследствии всегда приводились сторонниками этой теории, в комбинации с большим или меньшим количеством новых данных.

В 1879 году эстонской филолог Николай Андерсон защитил в Тартуском университете свою магистерскую диссертацию на тему «Очерки по сравнению индогерманских и финно-угорских языков».² В этой диссертации рассматривается, главным образом, действительно почти идентичная система местоимений обеих семей языков, а также целый ряд «общих слов», образованных от корня *ka-* в обеих семьях. Попутно затрагиваются в диссертации и многие другие вопросы из этой области.

Это сочинение вызвало обширную полемику, продолжающуюся до сих пор. Обзор соответствующей литературы до 1933 года дан в сочинении упсальского финно-угриста Бьерна Коллиндера «Индоуральский языковой материал».³ Более полную библиографию по данному вопросу можно найти в статье П. Хайду «Об этногенезе венгерского народа».⁴

¹ V. Thomsen, *Den gotiske sprogklasses indflydelse på den finske*, København, 1869, стр. 2.

² N. Anderson, *Studien zur Vergleichung der indogermanischen und finnisch-ugrischen Sprachen* (Verhandlungen der Gelehrten Estnischen Gesellschaft, IX, Dorpat, 1879).

³ Björn Collinder, *Indo-uralisches Sprachgut* (Uppsala Universitets Årsskrift, B. Filosofi, språkvetenskap och historiska vetenskaper, 1934, I).

⁴ *Acta linguistica, Academiae Scientiarum Hungariae* II, 3—4, 1953, стр. 287—290.

В настоящей статье я принимаю эту теорию как рабочую гипотезу, требующую дальнейшей разработки, и ограничусь рассмотрением в ее освещении некоторых общих суффиксов преимущественно действующего лица, главным образом в русском и эстонском языках.

*   *
*   *

В русском языке существует довольно редкий, до некоторой степени архаический суффикс действующего лица -е/й/ка < -е/ё/ь -/ка/ < *-е/ё/jos-ка/, -ой, -яй, -дай, -тай-тяй, -уй, -ий и т. д. Примеры: чародей/ка/, злодей/ка/ и др.; ротозей/ка/, ворожея, ворожей/ка/, шалопай/шелолай/, разгильдяй, слюнтяй/ка/, змей/ка ~ ~змий, швея (швейка); кнутобой (бичующий палач), зверобой, волнобой, в переносном смысле и Волгострой и Днепрострой и т. д., а также судомойка, шерстомойка, водогрейка, душегрейка. Сюда же относятся слова всезнайка, богатей, гордей и др.⁵

Сюда же примыкают и слова на -тай: русск., болг. ходатай, старосл., русск., болг. глашатай, вожатай, хожатай, соглядатай, оратай (польск. ogasz, чешск. ogáč, ogatel), ратай, завсегдаятай, старосл. позоратай, 'наблюдатель', поводаятай 'вождь'.⁶ Теоретически допустимы при этих словах и формы женского рода на -ка, но на практике они не употребляются, может быть по той причине, что соответствующими действующими лицами были, по-видимому, почти всегда мужчины, по крайней мере в былые времена. Еще следует отметить, что это архаическое окончание в некоторых случаях модернизируется, выступая в виде -тый: вожатаый, хожатаый.⁷

Окончание суффикса действующего лица *-jos встречается и после палатальных согласных: старослав. с ж пьрь 'противник',

⁵ Так как слова этого типа встречаются довольно редко, к тому же имеют архаический оттенок, звучат несколько необыкновенно, то многие из них представляют собой слова эмоциональные, иронические, пренебрежительные и т. д., как русск. негодая, скупердяй и т. д.

⁶ Эти слова А. М. Земский, С. Е. Крючков, М. В. Светлаев (Русский язык, I, 1955, стр. 35) считают заимствованиями из старославянского языка. Однако этот суффикс можно считать и праславянским, сохранившимся в восточнославянских языках под влиянием старославянского языка, но почти целиком вышедшим из употребления в западнославянских языках. Его праславянское происхождение доказывается тем, что слова того же типа существуют в большом количестве в литовском (-tojis, -tojas) и латышском языках (-tajs), как будет указано ниже.

⁷ Академическая грамматика, I, стр. 223.

стражь 'сторож', вождь, врачь и др., в переносном смысле у слов граждь 'конюшня', кличь и т. д.⁸

Отметим, что в индоевропейском праязыке существовали не только *nomina agentis* на -ios, ж. -ia (в переносном значении и *nomina agentis, instrumenti* и т. д.) — слова на -o-s, ж. -ā могли также иметь значение действующего лица, причем в таком случае они имели особое ударение на последнем слоге, ср. греч. φόρος 'подать' ~ φορός 'носитель, носящий', τροχός 'бег' ~ τροχός 'колесо', τόμος 'отрезок', 'кусок' ~ τομός 'режущий', 'острый'.⁹

В русском языке, как, по-видимому, и в других славянских языках, эти суффиксы совпали вследствие отпадения конечного ъ, а поэтому во избежание смешения понятий суффикс действующего лица получил дальнейшее распространение суффиксом *-ikos > -ьсь и, возможно, другими, ср. русск. ловец < *lovós + -ikos, лов < *lóvos, но в сложных словах такие краткие *nomina agentis* все же могли сохраниться, так как здесь значение *nomina agentis* было сильнее подчеркнуто и не было опасности смешения понятий: русск. китолов, китобой, рыболов, водовоз (*nomina agentis*), греч. οχός сарах, retinaculum, rota, tunis¹⁰, русск. воз, греч. όχος 'телега' и т. д., индоевр. *voghós и *vóghos.

Слова таких типов встречаются и в украинском и в белорусском языках: укр. звіробій (растение); китобій 'китолов', мийка 'тряпка', 'судомойка', шерстемийка (машина), тілогрійка уст., русск. 'душегрейка', всезнайко, -ка ирон., багатій/ка/ = багатир/ка/ (в смысле 'богатея'), гордий ~ гордивник, чародійка, ~ чаривник, лиходій/ка/, уст. фолькл. чудодійний (но чудодій уже в словаре Гринченко отсутствует), ротозій 'роззява', гультай, нехлюй = русск. разгильдяй, слинтяй/ка/, змий/ка/, змия, надия (перен.).

Интересно, что некоторые слова имеют уже конкурирующие параллельные формы, а иногда сохранились в украинском языке только в прилагательных, как например чародійний. Интересно и то, что нет например слова ходатай, но есть глашатай ~ оповісник, а также ратай ~ орач; вместо вожатай уже современное вожатий 'вагоновод'.

В белорусском видим редко те же самые типы слов: чарадзей/ка/, чараўнік, лихадзей/ка/, пралюбадзей/ка/, разгільдзяй; однако нет слов злодей, ротозей,

⁸ Vondrák, Vergleichende slavische Grammatik, I, Göttingen. 1924, стр. 505 и сл.; А. М. Селищев, Старославянский язык, ч. II, М., 1952, стр. 57—58.

⁹ А. Мейе, Введение в сравнительную грамматику индоевропейских языков, Юрьев, 1914, стр. 121 и сл.; К. Вугманн, А. Thumb, Griechische Grammatik, 1913, стр. 210.

¹⁰ Stephanus, Thesaurus Linguae Graecae V, Paris, 1844—1846, столб. 2479—2480.

слюнтяй и ворожея, а вместо них употребляются злацинец, разяв/ка/, слімак, ворожітка и швачка. Есть змей и змяя, багацей, есть слова типа звералоў, зверабойны, кітабой, кіталоў, пасудамыйка (помещение), шерсцемыйка, воўнамыйка, водагрейка, ўсенная и др. Слов на -тай, по-видимому, еще меньше, чем в украинском: вместо ходатай, глашатай и соглядатай употребляются хадаїнік, вяшчальнік и выведнік, есть важатый и важатая, фолькл. уст. аратый, а также ратай (может быть, единственное слово того типа с неизменным окончанием).

Слова таких типов, по-видимому, редко встречались и в других славянских языках, ср. чешск. *zloděj/ka/*, *dobroděj/ес/*, *-/ка/*, *voměj* (*omej*) 'aconitum' (переносно), *revāj* 'weinendes Kind', *paděje* 'надежда' (переносно) и др., польск.: *złodziej* 'вор', *czarodziej*, *kołodziej* 'колесник', *dzieje* 'история' (переносно), *padzieja* 'надежда' (переносно), *mazgai* 'разгильдяй', *zmija*, *gubow* и др., но в польском, по-видимому, нет слов на -тай, за исключением, может быть, слова *hułtai*, которое является, вероятно, заимствованием из украинского языка, как на это указывает *g>h*, а также польской фамилии *Rataj*.

В сербохорватском встречаем *прёмештај* 'перемещение', 'перевод по службе' (переносно), *змāj*, *змїја*, *китòлов*, *вòдовод* 'водопровод' (переносно), но нет, по-видимому, слов типа глашатай, ратай, чародей. Этот тип, вероятно, почти целиком вышел из употребления.

В верхнелужицком имеем *padzija*, *odija* 'одежда' (переносно), в нижнелужицком *zložej*.

Такие типы слов были, по-видимому, праславянскими. Они сохранились лучше всего в восточнославянских языках, в других же крайне редко.

Суффиксы (форманты) *-io-, ж. р. *-iā-, *-iō-, ж. р. *-iā- общеиндоевропейские, безусловно существовали и в индоевропейском праязыке.¹¹ По мнению Бругманна, при помощи этих суффиксов в праиндоевропейское время можно было образовывать прилагательные от любого существительного.¹² Но так как действие можно рассматривать и как признак предмета, то эти прилагательные могли означать и *nomen agentis*, ср.: др.-инд. *kṣatriya-s*, авест. *xsaδrya* — 'господствующий', 'повелитель'. А такие *nomen agentis* могли в свою очередь дать начало именам лиц и живых существ вообще, инструментов, названий действий, абстрактных понятий и т. д., ср. др.-инд. *kṣaya-s* 'повелитель' и 'господство',¹³ нем. *Walzer* 'крутящий-

¹¹ К. Brugmann, Grundriss der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen, II, I², стр. 182—198.

¹² Там же, стр. 187.

¹³ Там же, стр. 187.

ся' и 'вальс'.) Бругманн полагает, что старославянское слово *ходъ* означало первично 'Geher, Gänger', и лишь позже получило современное значение.¹⁴ Бругманн ничего не говорит о первоначальной возможности двоякого ударения в этом слове.

Особенно часты слова таких типов в балтийских языках: лит. *pešejas* 'носильщик', *vedejas* 'руководитель' и т. д., *edejas* 'обжора', *grobejas* 'захватчик', *grojėjas* 'игрок' и т. д., латышск. *nešējs* 'носильщик', *vedējs* 'проводник' и т. д., *ēdējs*, *ēdājs* 'едок', *grabējs* 'гробовщик' и т. д.

В литовском языке обычны *nomina agentis* на *-tojis*, *-tojas*, в латышск. *-tājs*: лит. *artōjis*, *artōjas* 'пахарь', 'крестьянин', *atpirktōjis* ~ *-jas* 'Erlöser', *linksmintōjis* ~ *-jas* 'утешитель', *gydytojas* 'врач', *vertintojas* 'ценитель', *žiūretojas* 'зритель' и т. д., латышск. *mācītājs* 'учитель', 'пастор', *dziedātājs* 'певец', *ciņītājs* 'поклонник', *telo-tājs* 'изобразитель', *laupītājs* 'разбойник' и т. д.¹⁵

Литовское архаическое окончание *-tojis* вполне соответствует фонетически старославянскому окончанию *-тай* < <*-*тајь*, русск. *-тай*, но в последнее время это окончание, по-видимому, вытесняется аналогичным окончанием *-tojas*, которое целиком господствует например в словаре литовского языка Серейского.¹⁶ Что же касается суффикса *-tojis* ~ *-tojas*, латышск. *-tājs*, старосл. *-тай* (*-тајь*) и др., то Бругманн видит в *-та* — суффикс абстрактных имен, — например старосл., русск. *доброта*, — который может иметь иногда и конкретное переносное значение, например *сирота*, *староста*. Эндзелин же отождествляет этот суффикс с греческим суффиксом *-та->-те* в словах типа *ποιητής* 'поэт', не определяя ближе характера этого суффикса.¹⁷

Все эти типы слов имеют соответствия в уральских, особенно же часто в прибалтийско-финских языках. По-видимому, общие индо-уральские корни этих типов получили особенно сильное развитие в издавна соседних группах индоевропейских и уральских языков. Рассмотрение этих типов *nomina agentis* в уральских языках позволяет в большей мере удостовериться в этом предположении.

В эстонском языке встречается очень часто суффикс агента *-j-a*: *and-ja* 'кто дает', *мага-ja* 'кто спит', *kõnele-ja* 'кто говорит', *gõpi-ja* 'кто лезет', *tasu-ja* 'мститель', и т. д. Такие *nomina agentis* можно образовать от любого эстонского

¹⁴ Там же, стр. 613.

¹⁵ Латышский суффикс *-tājs* сопоставил с эстонским суффиксом *-taja* проф. П. Ариэ в докладе «О родстве языков» в Тартуском учительском институте в апреле 1950 г. (рукопись).

¹⁶ В. Sereiskis, *Lietuviškai — rusiškas žodynas*, Kaunas, 1933.

¹⁷ J. Endzelins, *Latviešu valodas skaņas un formas*, Riga, 1938. стр. 100. Ср. его же, *Baltu kalbu garsai ir formas*, Vilnius, 1957, стр. 69.

глагола. То же наблюдается и в других прибалтийско-финских языках: финск. *osta-ja* 'покупатель', *tuli-ja* 'кто идет', *kääntäjä* 'переводчик', *seiso-ja* 'кто стоит', *katu-ja* 'кто раскаивается'. Этот прауральский суффикс встречается во всех уральских языках.¹⁸

Nomina agentis на *-ja* могут изредка иметь окончание, напоминающее праиндоевропейское окончание именительного падежа: *-s/*-ios*, например, эст. *ela-ja-s* 'животное', *jooks-ja ~ jooks-ja-s* 'ревматизм', *koolja ~ koolja-s* 'мертвец', *luupainaja ~ paenja-s* 'кошмар', финск. *juoks-ia-s* 'ревматизм', *pitäjä ~ pitä-jä-s* (диал.) 'приход', и др. Это *-s* возникло, по-видимому, по аналогии таких индоевропейских заимствований, как эст., финск. *kuning-a-s* 'король' < прагерм. *kuningaz, эст., финск. *armas* 'милый' < прагерм. *armaz, где окончание *az < праиндоевр. **-os*, а также по аналогии таких финских слов на *-as*, как *kaksitalvias* < **-vjas* 'двухзимний', род. *-iaap* < <*-iazen*, *yksivuotias* 'однолетний', род. *-iaap* < **-iazen*, эст. *sinkjas* 'синеватый' и т. д.

Nomina agentis на *-ja* соответствуют причастиям настоящего времени в ливском, эстонском, финском, карельском, саамском (лапландском) и мордовских языках¹⁹, причем может быть отмечен более поздний выход из употребления причастных форм на *-ja* (эст. *luge-ja* 'читатель', *lugeja mees* 'читающий человек'), которые уступают место причастиям на *-va*: эст. *lugev mees*, финск. *lukeva mies* и т. д., ср. эрзянск. палы тол, мокшанск. палай тол 'горящий огонь'.

Основной элемент этого суффикса *-i- ~ -j-* имеет в уральских языках широкое распространение: он является признаком прошедшего, а в известных случаях и настоящего времени. Допускают, что первоначально это был один и тот же элемент: кто действовал или действует, тот и есть действующее лицо, деятель.²⁰ Хакулинен считает родственным и деминутивно-поссесивное *-i*,²¹ а также *-i-* как признак множественного числа,²² что, по крайней мере, на первый взгляд уже не так убедительно. Б. Коллиндер полагает, что легко (*füglich*) предпо-

¹⁸ См.: Т. Lehtisalo, Über die primären ururalischen Ableitungssuffixe, SUST LXXII, Helsinki, 1936, стр. 60—66, а также J. Budenz, Az ugor nyelvek összehasonlító alaktana, Budapest, 1884—1894, стр. 192—202; J. Szinyei, Finnisch-ugrische Sprachwissenschaft, Leipzig, 1910, стр. 94; Н. Rätsep, Infinitivsed verbivormid soome-ugri keeltes; кандидатская диссертация (рукопись), Тарту, 1954, стр. 88—101; Л. Хакулинен, Развитие и структура финского языка, I, М., 1953, стр. 168—173, 179—184; 103—108.

¹⁹ Н. Rätsep, указ. соч., стр. 474, табл. 4.

²⁰ Т. Lehtisalo, указ. соч., стр. 65; J. Szinyei, указ. соч., стр. 141 и сл.

²¹ Л. Хакулинен, указ. соч., стр. 169.

²² Л. Хакулинен, указ. соч., стр. 78.

ложить идентичность глагольного форманта с именным.²³ Автор этих строк присоединяется к этому мнению, так как в древнейший период развития языка отыменные и отглагольные корни-основы были во всяком случае часто, если не всегда, идентичны. Нет поэтому и ничего невозможного в допущении идентичности одинаковых по форме и до известной степени близких по значению суффиксов.

Сравнивая балтийско-финское окончание *potinis agentis* -j a с индоевропейским **-ios ~ -iā-*, мы замечаем некоторую разницу в гласном элементе. В прибалтийско-финских языках мы имеем гласный -a-, а по законам гармонии -ä- (после передних гласных). В индоевропейском же праязыке мы имеем в мужском и среднем роде гласный -o-, в женском роде -a-. В уральских языках нет грамматического рода, и поэтому в них такая дифференциация невозможна. Что же касается самого праиндоевропейского -o-, то оно по крайней мере в восточной части праиндоевропейских говоров было безусловно открытое, близкое к звуку -ä-, на что указывает его переход в ä в индоиранских, в германских и балтийских языках; а в праславянском индоевропейские *ä и *ö совпали в широком *o.

В своих сопоставлениях приведенных уральских и индоевропейских суффиксов Н. Андерсон и Б. Коллиндер даже не ставят вопроса о гласном элементе этих суффиксов, считая их соответствие как бы само собой очевидным.

Особой категорией этих *potina agentis* в прибалтийско-финских языках являются слова на -/t/täjä, например, эст. õretaja, финск. orettaja 'учитель', эст. päitaja, финск. päyttäjä 'показывающий', 'показатель' и т. д. Такие производные слова можно образовать от любого глагола эстонского языка на -tada, финск. -ttää < **-ttäδäk*, которых в прибалтийско-финских языках вообще громадное количество. Суффиксы -tt- ~ -t- ~ -δ- встречаются в уральских языках в очень большом количестве, образуя сложную систему близких между собой по форме и значению их частных вариантов, нередко в комбинациях с другими суффиксами.

Эти суффиксы в главных чертах следующие: фактивные (т. е. означающие то, что выражает корневое слово), ср. финск. oma 'свой' ~ omia < *omidak 'присваивать', uusi 'новый' ~ usia < *ūsidak 'обновлять', 'возобновлять',²⁴ эст. usida (обыкновенно uendada), эрзя-морд. сал 'соль' ~ салтомс 'солить', марийск. йошкар 'красный' ~ йошкартым 'выкрасить в красный цвет', ненецк. пя 'дерево'

²³ В. Collinder, указ. соч., стр. 38.

²⁴ Л. Хакулинен, указ. соч. стр. 269.

пята́ 'бросать дрова в огонь',²⁵ каузативные, означающие вызывание известного действия, ср. финск. *aivastaa* 'чихать' ~ *aivastuttaa* 'вызывать чихание', *heilahtaa* 'покачнуться', *heila/hd/uttaa* 'размахивать', 'колебать', эст. *hõljuda* ~ *hõljutada*, эрзя-морд. эрзя-морд. 'стягиваться', 'сморщиваться' ~ киртамс 'стягивать', 'сморщивать', удм. пырыны 'войти' ~ пыртыны 'вводить', 'вносить', коми юны 'пить' ~ ютины 'поить', венг. *kelni* 'вставать' ~ *költeni* ~ /*kelteni*/ 'будить', ненецк. тада́ 'приставать', 'прилипать' ~ тадата́ 'приклеить',²⁶ пассивные, т. е. обозначающие переход объекта активного действия в подлежащее страдательного оборота, ср. финск. *saadaan* 'получается', 'получаются', *saatiin* 'получили', 'было получено', *saatu* 'полученный', эст. *saadakse*, *saadi*, *saadud*, эрзя-морд. ван о - 'смотреть', 'стеречь' ~ ваното - страдательная форма;²⁷ транслативные, т. е. выражающие становление или превращение в состояние, выраженное корневым словом, ср. финск. *haja* 'разбросанный', *hajota* 'рассеиваться', эст. *hajuda*, саамск. луойтет 'отпускать' ~ луойтадит 'опускаться', 'заходить' (о солнце);²⁸ возвратно-транслативные, с направлением действия на действующий предмет, ср.

²⁵ Л. Хакулинен, указ. соч., стр. 260—262, Т. Lehtisalo, указ. соч., стр. 322—325.

Насчет каузативного суффикса *-tt-* установлено, что по крайней мере отчасти он восходит к праугрофинскому *-kt-* или *-pt-*, см. Л. Хакулинен, указ. соч., стр. 261—262 и 279—289, J. Szinnyeи, указ. соч., стр. 130—131 и 136. Синией считает этот суффикс сложным и приводит даже именные образования с *-k-* без элемента *-t-*; отчасти в таких образованиях можно видеть прафинноугорское причастие настоящего времени на *-k-* (марийск. иликша 'живущий' < илик + суфф. ша [J. Szinnyeи, указ. соч., стр. 130]). Л. Хакулинен допускает, что рядом с древними образованиями **-k+t-* и **-p+t-* > *-tt-* были и образования **-t+t-* > **-tt-*, например: финск. *vikautua* 'портиться' ~ *vikauttaa* 'портить', по аналогии которых могло быть образовано большое количество каузативных глаголов на *-tt-*. Древние же финноугорские каузативы на *-kt-* и *-pt-* решили в прибалтийско-финском языке в глаголы на *-tt-* ко времени контактов с прабалтами и праславянами, а может быть и с прагерманцами. Но до этого они представляли собою группу глаголов с индоуральским суффиксальным элементом *-t-*, который присоединялся к элементам *-k-* или *-p-* уже в уральское время.

Т. Лехтисало допускает смешение **tt* и **kt* в **tt*, а также образование суффиксов **pp*, **tt*, **kk* в известных случаях из сложных суффиксов, с выпадением редуцированных гласных внутри суффикса. (Т. Lehtisalo, указ. соч., стр. 322, 395).

Можно добавить, что в индоевропейском языке был слитный суффикс **-kt-* > *-t-*, ср. лат. *explico* и славянское плетѣ < *pleqtōm*, как допускает Бругманн (см. его Grundriss, II, 1, стр. 366).

²⁶ Л. Хакулинен, указ. соч., стр. 217. и сл., Т. Lehtisalo, указ. соч., стр. 328—333.

²⁷ Л. Хакулинен, указ. соч., стр. 217 и сл., Т. Lehtisalo, указ. соч., стр. 328—333.

²⁸ Л. Хакулинен, указ. соч., стр. 266, Т. Lehtisalo, указ. соч., стр. 805 и сл.

финск. *antautua* 'отдаваться', *kantautua* 'доноситься', эст. *anduda*, *kanduda* (во многих случаях по примеру финского языка); куративные, т. е. показывающие, что действие, выражаемое коренным словом, совершается по принуждению, ср. финск. *kirjoittaa* 'писать' ~ *kirjoituttaa* 'заставлять писать', эст. *joosta* ~ *jooksutada*²⁹, инструментативные, т. е. означающие действие тем, что означает корневое слово, ср. финск. *pokka* 'клев', *pokkia* <*pokkidak 'клевать', *sota* 'война' ~ *sotia* <*sotidak 'воевать', эст. *pokkida*, *sõdida*;³⁰ эссенциальные, означающие действие в качестве фактора, выражаемого корневым словом, ср. финск. *isäntä* 'хозяин' ~ *isännöidä* 'хозяйничать',³¹ эст. *peremees* ~ *peremehetseda* (новообразование, с другим суффиксом, все же содержащим звуки *t* и *d*); инструктивные, означающие придание лицу или предмету того, что выражено корневым словом, ср. финск. *hopea* 'серебро' ~ *hopeoida* 'серебрить', эст. *hõbe* ~ *hõbetada*;³² привативные, т. е. выражающие устранение того, что выражено корневым словом, ср. финск. *kuori* 'коры' ~ *kuoria* 'сдирать кору', эст. *koor* ~ *koorida*,³³ оноματοпоэтические, описательные, ср. финск. *kaakattaa*, *kaakottaa* 'кудахтать', 'гоготать', эст. *kaagutada*;³⁴ каптативные, означающие лов, сбор того, что выражает корневое слово, ср. финск. *kalasta* 'ловить рыбу' (*kala* 'рыба'), *metsästää* 'охотиться' (*metsä* 'лес'), эст. *kalastada* ~ *metsastada* (новообразования по примеру финского языка);³⁵ интенсивные, усилительные, ср. финск. *johdattaa* 'водить', 'вести', 'руководить',³⁶ эст. *juhatada* ~ *juhtida*; неопределенные (прочие), ср. финск. *havaitse*n, *havaita* 'замечать', 'видеть', 'узнавать'³⁷ и др., особенно в комбинациях суффиксов с элементами *t* и *d*, которых довольно много.³⁸

Система глагольных суффиксов с элементами *-tt-* ~ *-t-* ~ *-d-* ~ *-δ-* очень развита и хорошо сохранилась в финском языке. В эстонском языке многое заменено аналитическими конструкциями по примеру соседних индоевропейских языков.

Элемент *-t-* и т. д. встречается в причастиях (финск. *otettu*, эст. *võetud* 'взятый'), в инфинитивах (финск. *ottaa*, эст. *võtta* <*ottaa *δak* 'взять', финск. *lukea*, эст. *lugeda*

²⁹ Л. Хакулинен, указ. соч., стр. 265.

³⁰ Л. Хакулинен, указ. соч., стр. 249—250, 265.

³¹ Л. Хакулинен, указ. соч., стр. 268.

³² Л. Хакулинен, указ. соч., стр. 269.

³³ Л. Хакулинен, указ. соч., стр. 268.

³⁴ Л. Хакулинен, указ. соч., стр. 279.

³⁵ Л. Хакулинен, указ. соч., стр. 284.

³⁶ Л. Хакулинен, указ. соч., стр. 254.

³⁷ Л. Хакулинен, указ. соч., стр. 270 и сл.

³⁸ Л. Хакулинен, указ. соч., стр. 236—287.

*l u k e d a k 'читать' и т. д.) и в отглагольных существительных (ср. финск. *p ä h t ä v u u s*, основа — *p ä h t ä v u u t e*³⁹, эст. *p ä h t a v u s* 'видимость' и др.).

Суффикс *-t-* встречается в уральских языках и как признак множественного числа (финск. *p u u t*, эст. *p u u d* 'деревья', эрзя-морд. *куд о* 'дом' ~ *куд о т* 'дома' и т. д.), но это *-t-*, по-видимому, стоит далеко от указанных глагольных суффиксов.⁴⁰

Литература об этих суффиксах очень обширна. Много места посвящено им в указанных уже сочинениях.⁴¹

Интересно, что Хакулинен ничего не говорит в своем упомянутом сочинении о суффиксе *-(t)t ä j ä*, хотя он рассматривает его составные части *-(t)t ä* и *-j ä*. Все же этот суффикс дает в финском языке целую массу названий агента — их можно образовать от всех глаголов на *-(t) t a a*, а таких громадное количество.

В южно-эстонских и некоторых других прибалтийско-финских говорах конечное *-ä* в словах на *-ä j ä*, *-(t) t ä j ä* и др. отпадает, так что получаются формы, сильно напоминающие соответствующие русские, вообще славянские формы: южно-эст. *o p e t t ä j* 'о́ретаја', 'учитель', *o p p a j* 'о́рраја', 'учащий' и т. д. И. Авик предложил даже ввести такие формы в эстонский литературный язык.⁴²

Отпадение конечных гласных в эстонском языке произошло хронологически, по-видимому, приблизительно в то же время, как и в славянских языках, в частности в русском, а так же в соседних — латышском, ливском и вепсском, между тем как это отпадение конечных и выпадение гласных в слабой позиции внутри слова вообще не произошло (только спорадически и диалектально) в северной части прибалтийских языков (суоми, карельский, ижорский и водский языки), а также в литовском языке.

В данном случае (*o p e t a i* и т. д.) мы имели бы несколько более позднее диалектное отпадение конечного гласного, возможно под влиянием соседних, латышского и русского, языков с их уже элидированными формами.

Как уже было сказано раньше, в латышском языке много названий агента на *-t ä j s*, в литовском на *-t o j i s*, в современном литературном языке *-t o j a s*. Глагольный суффикс *-t-* в смысле фактитивном, транслативном, каузативном и т. д. встречается, правда, редко, и в индоевропейских языках, ср. лат. **f a c i l i t ä g e*, франц. *f a c i f i t e r*, 'облегчать', лат. *m u t ä r e*

³⁹ Л. Хакулинен, указ. соч., стр. 193—195.

⁴⁰ Л. Хакулинен, указ. соч., стр. 80—83.

⁴¹ Л. Хакулинен, указ. соч., стр. 217—256, Н. Rätsep, указ. соч., стр. 293—358, 474, J. Szinnyei, указ. соч. стр. 92—93, 129, 132—136, T. Lehtisalo, указ. соч., стр. 273—333.

⁴² Joh. Aavik, Oigekeelsuse ja keeleuenduse põhimõtted, Tartu, 1924, стр. 54.

< movitāge, 'изменять', ср. movēge, 'двигать', лат. dubitāge 'сомневаться', ср. dubius 'сомнительный' и т. д., в особенности же в причастиях, а также в инфинитивах и супинах, одним словом, в отглагольных именах на -t-.⁴³

Из русского языка я могу пока привести следующие примеры каузативных глаголов на -t-: пить ~ питать, ср. др.-инд. pituti, авест. pituš 'Saft, Trank, Nahrung, Speise',⁴⁴ расти ~ растить,⁴⁵ кипеть ~ кипятить, а также запропасть 'исчезнуть' ~ запропастить 'затерять неизвестно куда' (Даль, I⁴, 1554), распропасть 'пропадать исподволь' и т. д. ~ распропастить 'растратить беспутно' (Даль, III⁴, 1912), заимствованное кучитать ~ кучетать 'kitzeln' < карельск. kučitta - вепск. kušutada.⁴⁶ Может быть относятся сюда и такие слова, как тереть ~ тратить, колоть ~ колотить, запереть ~ запретить?

В русском языке можно отметить и существование довольно обширной группы ономапоэтических глаголов на -та-ть: хохотать, скрежетать, гоготать, кудахтать и т. д. Большинство из них имеет параллели в виде существительных на -т: хохот, скрежет, трепет и т. д. Обыкновенно принято считать, что существительное древнее (название действия с отыменным суффиксом -t-), но Виноградов⁴⁷ отмечает, что такие глаголы позже стали осознаться, как производимые от существительных, которые в свою очередь осознаются производными от глаголов. Во всяком случае вопрос «первенства» тут не всегда ясен, тем более, что некоторые из этих глаголов не имеют соответствующих производных от них существительных, например: кудахтать; есть междометие кудах-кудах!, но нет существительного кудахт! Из других индоевропейских языков К. Бругманн приводит известное небольшое количество глаголов на -t-, иногда общих нескольким языкам, напр. лат. plecto, гр. πλέκτός (причастие), др.-инд. праṣ-паñ 'плетеный', древневерхненемецкий flehten, старосл. плетѣ, неопр. плести, по Бругманну <*pletō- или *pletgō-, лат. ex-plicō (без суффикса -t- — более древ-

⁴³ К. Brugmann, Grundriss II, 1, стр. 390—473; II, 3, 1, стр. 362—379.

⁴⁴ Walde-Pokorný, Vergleichendes Wörterbuch der indogermanischen Sprachen II, Berlin u. Leipzig, 1927, стр. 74.

⁴⁵ К. Brugmann, Grundriss II, 3, 1, стр. 362.

⁴⁶ J. Kalima, Die ostseefinnischen Lehnwörter im Russischen, Helsinki, 1915, стр. 144, цит. по M. Vasmer, Russisches Etymologisches Wörterbuch I, Heidelberg, 1953, стр. 709.

⁴⁷ В. Виноградов, Русский язык, М.—Л., 1947, стр. 433—434. Впрочем в уральских языках имеются соответствующие отглагольные существительные с индоуральским суффиксальным элементом -t-, ср. эст. korutada 'стучать', korutus 'стук', финск. koruttaa — korutus и русск. стучать ~ стукот (обыкн. стукотня). Разница в этих суффиксах в более новых дополнительных элементах: иевр. *-t-o-s > прасл. -тъ- > русск. -т-, приб. — финск. *tus (s < -ks или -ti < -te), ср. Л. Хакулинен, указ. соч., 1, стр. 119—122, 163, 178, 197—199, 201—203.

няя формал). В этих словах он не выделяет особых групп по суффиксам, сложенным с -t-: группа наст. вр. на -лtω < *-ptō или *-pīō (II, 3, стр. 365); лат. на -sto (стр. 366, см. выше); кельтские (стр. 367) и германские (стр. 367—390) -t-praeterita, с которыми Бругманн, так сказать, издаюка сопоставляет и литовский имперфект на -davau < *-dō, так наз. Schall-verba на -sto- (глаголы отзвуха, эха) в германском (стр. 368) и в литовском языках (стр. 371), где этот сложный суффикс встречается и в других глаголах, непереходных, начинательных, также отыменных; ⁴⁸ литовские каузативы и итеративы на -dau, неопр. ф. -dyti, в особенности же многие фактивы или каузативы (у Хакулиненна куративы) на -dīu, неопр. ф. -dinti (стр. 379, а также 368—369 и 323—324): лит. linksminu 'tröste', ср. linksmas 'fröhlich' ~ linksmindiu 'lasse fröhlich machen', 'trösten'; kaitinu 'mache heiss' ~ kaitindiu 'lasse heiss machen'. О существовании таких куративных глаголов в других индоевропейских языках Бругманн ничего не говорит. Во всяком случае таких слов крайне мало в славянских языках.

Из балтийских языков можно еще прибавить: лит. kalti, латышск. kalt 'ковать' ~ лит. kaldinti, латышск. kaldīt, kaldinat 'поручать, велеть, ковать'; лит. gulėti 'лежать', латышск. gulēt 'спать, лежать', лит. guldyti, латышск. guldīt 'укладывать спать'; лит. gerti, латышск. dzert 'пить', ~ лит. girdyti, латышск. dzirdīt 'поить', лит. siūti, латышск. šūt 'шить' ~ лит. siūdinti, латышск. šūdīt šūdīnat 'отдавать шить', лит. rūti 'размокать, напиться' (о земле), 'наполняться молоком' (о вымени), ⁴⁹ лит. rudyti 'eine Kuh zum Milch reizen', греч. лtω < 'бить ключом', 'вытекать', 'литься'; ⁵⁰ безусловно тот же корень и в греческом лtω 'пить', ⁵¹ И в германских языках отмечается существование этого суффикса, по крайней мере в готском fōdjan, нем. füttern 'pähen', из индоевропейского корня +-pā 'Vieh weiden, hüten'. ⁵²

В латинском языке есть подобный суффикс, но он имеет усилительное значение, как и в финском языке, как уже указано раньше: agere ~ agitāre 'гнать', 'действовать усиленно', aperire ~ apertāre 'открывать', capere ~ captāre 'схватывать', confligere 'сталкиваться, сталкивать' ~ conflictāre 'разорять', 'губить', 'расстраивать', madefacio ~ madefacto 'увлажняю, орошаю', potō 'пью' ~ potitō 'мно-

⁴⁸ В русском языке относится сюда по крайней мере глагол шелестеть ~ шелестить.

⁴⁹ Sereiskis, Lietuviškai-rusiškas žodynas, стр. 707.

⁵⁰ A. Walde-Pokorny, II, стр. 74.

⁵¹ А. Д. Вейсман, Греческо-русский словарь, СПб, 1888, стр. 998.

A. Walde-Pokorny, указ. соч., II, стр. 73.

⁵² Walde-Pokorny, указ. соч., II, стр. 72.

то пью', *grandere* ~ *pransitāre* 'завтракать', *progere* ~ *progestāre* 'выполнить', *sedere* 'сидеть' ~ *sessitāre* 'постоянно, долго сидеть', *volvere* ~ *volutāre* 'катить' и т. д.

По-видимому, усилительное, интенсивное значение этого суффикса древнее, чем куративное ('заставлять делать кого-нибудь другого'), которое может явиться его дальнейшим развитием, ср. *agere* 'гнать' ~ *agitāre* 'усиленно гнать' > 'агитировать других', т. е. заставлять их делать то же самое. В латинском языке можно уловить намеки на возможность такого развития: *confligere* 'сталкиваться' и 'сталкивать' (непереходное и переходное значение в одном слове, что встречается довольно часто не только в латинском языке), но *conflictāre* означает уже 'разорять', 'губить', 'расстраивать', т. е. привести к столкновению через других.

В балтийских языках эта категория представлена не очень многими примерами, но она уже несомненно существует, в русском же языке она находится в самом моменте зарождения. В эстонском, а особенно в финском, также в венгерском языке, по-видимому, и во всех уральских языках⁵³ этот суффикс самый обыкновенный: эст. *juua*, финск. *juoda*, венг. *inni* 'пить' ~ эст. *joota*, финск. *juottaa*, венг. *itatni* 'поить'; эст. *süüa*, финск. *syöda*, венг. *enni* 'есть' ~ эст. *sööta*, финск. *syöttää*, венг. *etetni* 'кормить' и т. д.

Имея все вышеприведенные факты в виду, можно прийти к следующему выводу.

Суффикс отыменных и отглагольных существительных *-t-* с различными оттенками значений и морфологических применений существовал безусловно уже в индоуральском праязыке. В индоевропейских языках он получил несколько меньшее развитие, но в уральских языках он применялся очень часто, оттенки его значения расширились, образуя целую сложную систему форм и значений, внутренне связанных между собой. При этом нужно иметь в виду, что дальнейшее развитие уральских языков шло в направлении агглютинативности (во многих языках десятки новых падежей, образованных агглютинативно), хотя и появляются элементы флективности в некоторых языках, напр. в ливском и эстонском, может быть не без влияния соседних индоевропейских языков, развитие которых шло главным образом в направлении флективности и аналитичности, хотя и в них есть следы агглютинации. Следствием такого развития является большая систематичность, закономерность и прозрачность уральских языков по сравнению с индоевропейскими, большая развитость и обобщенность известных категорий в фонетике и морфологии. Всему этому может быть способствовало географическое исконное соседство с агглютинативными алтай-

⁵³ Л. Хакулинен, указ. соч., стр. 254.

скими языками, с которыми у уральских языков есть безусловно общие формальные черты, а также материальные языковые элементы. Я оставляю открытым вопрос об их предполагаемом прародстве с уральскими языками; укажу только на то, что в виду возможностей индоуральского прародства этот вопрос следует расширить именно в эту сторону, на что уже намекал венгерский тюрколог Немец Дьюла,⁵⁴ а также Холгер Педерсен в своем предположении о так наз. «нострацких» языках, т. е. имеющих какие-нибудь родственные отношения к индоевропейским (лат. *poster 'наш'*) языкам.⁵⁵

Следует иметь в виду то обстоятельство, что балтийские языки являются уже несколько тысячелетий соседями прибалтийско-финских языков, славянские около двух тысячелетий, может быть и больше. Они оказывали заметное влияние на развитие прибалтийско-финских языков, но и сами тоже подвергались с их стороны влияниям, которые пока мало изучены. Мне кажется, что в данном случае мы имеем дело с некоторыми моментами таких влияний, а именно с усилением развития функций и значений некоторых общих индоуральских элементов, представленных, так сказать, в полном расцвете в уральских языках и развившихся довольно сильно в балтийских языках, до некоторой степени в славянских и в германских, а в других индоевропейских языках представленных рудиментами. Тут следует отметить, что довольно часто выражается мнение, что прагерманцы и праугрофинны (по мнению автора этих строк, «западные уральцы»;⁵⁶ Фриц Флор⁵⁷ называет носителей раннеарктической и гребенчатой керамики протоуральцами) оказывали в далеком прошлом заметное влияние друг на друга. Об этом писал одним из первых немецкий археолог Г. Коссинна⁵⁸ (1853—1931), а также финский филолог Т. Е. Карстен,⁵⁹ советский финно-угрист Д. Бубрих⁶⁰ и др. Ввиду сложности и недостаточной разработанности этого вопроса⁶¹ пишуший эти строки воздержи-

⁵⁴ *Nyelvtudományi Közlemények XLVII* (1928) 1, стр. 69.

⁵⁵ *Zeitschrift der deutschen Morgenländischen Gesellschaft LVII* (1903) стр. 560, а также С. Uhlenbeck, там же, LXI (1907), стр. 436. Мы не говорим уже о теории моногенеза всех языков мира — Alfredo Trombetti (*L'Unita d'origine del linguaggio*, Bologna, 1907).

⁵⁶ Ср. V. Ernits, *Polska a ugrofinnowie*, Warszawa, 1938, стр. 120.

⁵⁷ Fritz Flor, Helmut Arntz, *Germanen und Indogermanen*, Heidelberg, 1936, стр. 90.

⁵⁸ G. Kossinna, *Ursprung und Verbreitung der Germanen in vor- und frühgeschichtlicher Zeit*, стр. 216—238.

⁵⁹ Т. Е. Карстен, *Die Germanen*, Berlin-Leipzig, 1928, стр. 123.

⁶⁰ *Язык и литература I*, 1926, стр. 53—92.

⁶¹ Э. Покорный (*Сравнительная грамматика германских языков*, М., 1954, стр. 332) считает, что одни и те же явления германских языков объясняются разными авторами влиянием разных субстратов: кельтского (Ivan Ginneken, M. Bréal, Sophus Müller, H. d'Arbois, M. Jubainville, A. Hansen), яфетического (Н. Марр, Браун), финского (Т. Е. Карстен, Д. В. Бубрих, еще F. Dietrich, K. Nörrenberg-Globus, 77 (1900) и K. Wessely — *Anthropos*,

вается от решительного суждения о нем, но считает его все-таки достойным дальнейшей разработки и внимания.

Я имею в общем в виду очень частые окончания *pominis agentis* финские и эстонские -*ājā*, -*ejā*, -*ijā*, -*oja*, -*uja* и т. д., довольно частые литовские -*ejas*, -*ojas*, латышск. -*ejs*, -*a'js* и т. д., редкие славянские слова на -*ej* ~ -*aj* и т. д., в особенности же эстонские и финские *pomina agentis* на -*t/täjä*, довольно частые литовские на -*to'jis* ~ -*tojas*, латышские на -*tājs*, редкие славянские на -*тай*, главным образом старославянские, болгарские и русские, а также очень частые в финском и венгерском, несколько менее частые в эстонском так наз. куративные глаголы на -*t/t-*, довольно редко представленные в балтийских языках, а в русском языке только в единичных случаях. Сюда же относится глагольный суффикс -*sto-* в разных значениях (интранзитивном, начинательном, деноминативном, так называемые *Schall-verba* — глаголы отзвука, эха) в германских и балтийских языках (в русском языке по крайней мере слова шелестеть ~ шелестить ~ шелест), которым соответствует финское *helisen*, непр. ф. *helistä* 'звенеть' ~ *helistäñ*, неопр. ф. *helistää* *helistädäk 'звонить', эст. *helisen*, неопр. ф. *heliseda* ~ *helistan*, неопр. ф. *helistada* и др. В финском и эстонском, а также во всех прибалтийско-финских языках такие образования самые обыкновенные. Возможно, что имеются соответствия и в более далеких родственных языках.⁶² Сюда же нужно отнести и индоуральские причастия страдательного залога прошедшего времени на -*t-*, -*kt-*, которые, по-видимому, единственно распространены в уральских языках, особенно в финском, эстонском и вепсском. Они встречаются во многих индоевропейских языках, например в санскритском языке с окончанием -*tah* < -*tas* < *-*tos*, гр. -*τος*, лат. -*tus*, лит. и латышск. -*tas*, в германских и кельтских языках и в виде *t-* претеритума, но в немецком и славянских языках в чередовании с теми же причастиями на -*p*: нем. *gemacht*, но *gepotten*, русск. *взятый*, но *сделанный* и т. д. Причастие на -*p* встречается и в уральских языках, но оно, по-видимому, имеет в них исключительно значение причастия прошедшего времени действительного залога: эст.: *võtnud*, финск. *ottanut* 'взявший', но эст. *võetud*, финск. *otettu* 'взятый'.⁶³ В немецком же языке это окончание имеет и активное и пассивное значение: *gepotten* 'взятый', но *gekotten* 'пришедший'; в славянских языках этот суффикс имеет только пассивное зна-

1917—1918. В. Э.], этрусского (Дечев, Гюнтерт), иллирийского (S. Feist), автохтонов северногерманской равнины (Naumann, см. Karsten, указ. соч., стр. 135).

⁶² Л. Хакулинен, указ. соч., стр. 243.

⁶³ Дополнительный элемент (-*ut*) (-*ud*) в этих окончаниях считается демунивативным суффиксом (ср. Л. Хакулинен, указ. соч. стр. 122 и сл.).

чение и конкурирует с первоначальным индоуральским суффиксом на -t-. Причина этого, по-видимому, дославянского (причастия на -пе встречаются и в индоиранских, в албанском и в германских языках⁶⁴) нововведения мне не ясна.

Сюда же следует присоединить и образование инфинитивов на -t/-δ-/ с одной стороны в прибалтийско-финских языках, а также в саамском (лапландском), спорадически на основе первоначального существительного и в хантыйском (остяцком) языке, а с другой стороны в древне-индийском, в славянских и балтийских языках. Следует еще прибавить, что во многих индоевропейских языках имеются супины на -t-. Интересно, что несколько форм инфинитивов в разных значениях встречается в прибалтийско-финских языках вплоть до мордовских языков, между тем как в других финно-угорских языках встречается главным образом только одна форма инфинитива. Имея в виду эту параллель с соседними балтийскими и славянскими языками, а также более позднее, может быть, даже одновременное образование инфинитивов на -t- на той же территории издревле соседних народов, можно прийти к выводу, что и тут мы не имеем дело с простой случайностью, но со взаимным контактом между этими языками при создании форм инфинитива из одних и тех же индоуральских элементов (отглагольные существительные на -t-, причастия на -m- [эст. *luge ma*, *luge ma s*, русск. читаемый и т. д.] и др.). Так как супины на -t- встречаются во многих индоевропейских языках, то можно допустить, что приоритет в образовании инфинитивных форм на -t- принадлежит главным образом северо-восточной группе индоевропейских языков. Поскольку же комбинированная система инфинитивов и супинов известна многим индоевропейским языкам (если не всем), а в уральских языках она встречается, в сущности, только у древних соседей индоевропейцев, то естественно и тут думать об индоевропейском влиянии, в особенности со стороны балтийских языков, давших так много важных заимствований прибалтийско-финским языкам.

Что же касается слов на -ей, -тай и т. д., то, по-видимому, главное направление влияний шло здесь от прибалтийско-финских языков, вернее от их праязыка к балтийским языкам или к прибалтийскому языку, а тот оказывал некоторое влияние на соседние славянские языки, прежде всего на русский; последний же или северные говоры праславянского языка были, правда, в несколько более позднем прямом контакте и с прибалтийско-финским праязыком и с его потомками, которые могли со своей стороны оказывать влияние на него и в этом пункте.

Что влияние фонетической системы одной группы языков или даже одного языка на другие языки или язык само по себе возможно, не подлежит никакому сомнению. По подсчетам

⁶⁴ Ср. К. В r u g m a n n, Grundriss II, 1, стр. 651.

И. Аавика, звуки типа -t- -d- встречаются в эстонском языке примерно в 13% случаев, в латышском около 11%, в русском и финском 10%,⁶⁵ по более новым и более основательным подсчетам А. Сааресте t(d) встречается в эстонском языке в 10,5%. Поэтому Сааресте пишет, что эстонский язык можно было бы назвать «языком s и t».⁶⁶ Безусловно, такое изобилие звуков типа -t- в прибалтийско-финских языках не могло не бросаться в глаза и их древним соседям, у которых тоже появилось слабо обоснованное с индоевропейской точки зрения изобилие названий *nomina agentis* на -tojas, -tojis (лит.), -tajs (латышск.), редкие славянские слова на -тай (эстонские и финские обыкновенные слова на -/t/täjä), и некоторое количество куративных глаголов на -t- ~ -d-, между тем как у соседей, прибалтийских финнов, такие образования очень часты и обычны.

---

⁶⁵ J. Aavik, Keele kaunima kõlavuse poole, Eesti Kirjandus VII (1912), стр. 458—459, 259—260 и др.

⁶⁶ A. Saareste, Kaunis emakeel, Lund 1952, стр. 26.

БЕСПЛАТНО

M

A-1133

TÜ RAAMATUKOGU

1 0300 01058971 3

E